

Семь встреч с Михаилом Илларионовичем

Лето 1941 года, начало войны. Моя мать, Н.А. Винберг, работает в библиотеке Института истории материальной культуры, директором которого был тогда М.И. У нас дома с окна на первом этаже ветер сдувает стоявшие в ящиках карточки с названиями работ иностранных авторов на иностранных языках (мама составляла какую-то библиографию по археологии). Окрестные мальчишки хватают карточки и с криком «шпионка, шпионка!» бегут в милицию. Чем это могло кончиться в условиях начала войны и поощряемой шпиономании, да еще при шведской фамилии мамы — понятно. Мама тут же звонит М.И., и он пуская в ход свой авторитет и связи, прекращает «дело». Мы спасены. (по рассказу мамы).

1956 год, после так называемого «разоблачения культа личности». В аудитории № 50 истфака проходит научное заседание при большом стечении народа. Председательствует В.В. Мавродин. Доклад делает М.И., а я новоиспеченный студент, слушаю. Суть доклада: в создании знаменитой Черняховской культуры (III — начало V в. н.э.) ведущую роль играли не славяне (как было велено считать в сталинский период), а готы. М.И. использовал первую же возможность, что бы очистить себя и науку от тенденциозной лжи, в поддержании которой он, по обстоятельствам времени, принимал участие. Тут же я слышу выступления ближайших сподвижников М.И. — И.И. Ляпушкина, Г.Ф. Корзухиной, М.А. Тихановой. Развертывается дискуссия, которая охватывает основные «узлы» славяно-русской и готско-варяжской проблематики. На этом заседании я открыл для себя ленинградскую школу славяно-русской археологии с ее стремлением к проблемности, честности и точности, обрел своих учителей и сделал выбор в пользу археологии.

1958 год, май. На кафедре археологии я защищаю первую в своей жизни археологическую курсовую. Мой рецензент — М.И. Он начинает читать свой отзыв: «Читая курсовую работу Мачинского, я вспоминал моего молодого друга, талантливого археолога А.В. Мачинского, погибшего на фронте, и искал присущие ему как исследователю черты в студенческой работе его сына.» Я потрясен.

В 1967 году я был уволен из Института археологии (ИА). Осень 1968 г. М.И. предложил мне работать на кафедре археологии истфака. Однако дирекция и парторганизация ИА направила на истфак гонца, который убедил местную парторганизацию не брать меня на работу. В конце 1968 г. в аудитории № 70 истфака происходит празднование 70-летия М.И. Артамонова. Я стою у дверей. В зал входит М.И. и, увидев меня, сжимает мне руку у локтя и с характерным оканьем говорит: «Не вышло у меня, дорогой мой». Я отвечаю: «О, это так не важно! Поздравляю Вас».

Затем на трибуну выходит Б.Б. Пиотровский и зачитывает довольно сдержанное поздравление М.И. от Эрмитажа. И тут с места поднимается блистательная Антонина Николаевна Изергина: «Одну минуточку! Это не все, что Эрмитаж имеет сказать М.И.!» И выйдя на трибуну: «Я знала разных директоров Эрмитажа — на разной дистанции близости. И хочу сказать, что Вы, М.И., были хорошим директором. А сейчас я скажу, что такое хороший директор. Во-первых...». И далее — по пунктам, из коих явствует, что хороший директор должен быть таким, как М.И. Шквал аплодисментов.

Примерно 1970-71 гг. М.И. Выступает в славяно-русском секторе ИА с докладом о связи Пеньковской культуры с болгарским каганатом Кубрата. В прениях я с молодым запалом говорю, что некоторые положения выдвинутой гипотезы не доказаны. М.И.: «Это Вы, Дима, будете доказывать или опровергать, а мне бы лишь успеть выдвинуть гипотезу...». Мне стыдно и больно.

Первые числа августа 1972 г. Гражданская панихида по М.И. Стою в толпе. Ко мне подходит М.А. Тиханова и, взяв за руку, говорит: «Хочу стоять с тобой», — и ведет меня в почетный караул. Смутно понимаю, что этим она что-то передает мне. Стою, смотрю на лицо Михаила Илларионовича, и почему-то звучат строки Блока о его отце, которого он увидел на смертном ложе: «Был нос прямой, а стал орлиный».

Конец 1996 г. Вечером закончил статью для сборника в честь 100-летия М.И. Поздним вечером вдруг неожиданно «является» фотопортрет М.И., когда-то подаренный при мне автором (Б. Стукаловым), давно утраченный при переездах, многократно искомый и ненаходимый. Вешаю портрет и засыпаю. Утром просыпаюсь с четким знанием, что именно в моей статье неверно, как надо ее перестроить и сделать доказательной. Думаю, что это тоже была встреча.

Д. А. МАЧИНСКИЙ,
старший научный сотрудник Гос. Эрмитажа